

НАБЛЮДАТЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адрен Арин

Наблюдатель

<https://litres.ru/74393139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла работать с мёртвыми. С живыми сложнее.

Город у озера, где убивают красиво. Каждая смерть здесь — как картина: продуманная, безупречная, оставляющая после себя только вопросы. Местная полиция в тупике. Улики не складываются в одну историю. Жертвы — чужие друг другу люди. Кажется, что убийствам не суждено быть раскрытыми.

Из столицы приезжает та, кого называют лучшим следователем страны. И напарника — местного следователя.

Она берётся за дело. Она видит то, чего не видят другие. Но чем ближе она к разгадке, тем отчётливее чувствует: убийца знает о ней всё.

Её пытаются запугать. Её пытаются выжить. Она не уходит.

Потому что она здесь не только ради правды.

Здесь есть тот, кто стал для неё опаснее любого маньяка.

Она думала, что знает, зачем приехала.

Она ошиблась.

Адрен Арин

Наблюдатель

Глава 1

ПРОЛОГ

АРХИТЕКТОР СВОЕЙ СМЕРТИ

«Всё, что мы строим, рано или поздно становится нашей тюрьмой».

– Джон Берджер

Тишина была первой, что он ощутил.

Она была другой.

Не той, что прячется в пустых комнатах, где половицы стонут под ногами. Не той, что приходит с первым снегом, укрывая всё белым, обещая покой. Это была тишина бетона – живая, плотная. Она затекала в уши, как серая вата, и мир становился глухим, вязким, осязаемым. В этой тишине он слышал только своё сердце – глухие, редкие удары, которые отдавались в висках, в груди, в бетоне, что уже начал обнимать его, вращать в него, становиться им.

Вторым было тепло.

Странное, почти живое тепло, которое разливалось по его груди, по бокам, по спине. Бетон был тёплым. Как тело, которое только что перестало дышать. Как кожа, в которую начинаешь вращать, когда понимаешь, что вырваться уже не получится. Он чувствовал, как жар поднимается по позвоночнику, обволакивает плечи, оседает в бёдрах. Как горячо просачивается внутрь, заполняет его, стирает границы между ним и камнем. Мужчина чувствовал, как бетон дышит вместе с ним. Как его собственное тепло уходит в камень, а камень отдаёт ему своё – чужое, тягучее, почти нежное.

Сначала он не понял, где находится. Он открыл глаза, но в первый момент не увидел ничего. Только тьма – серая, влажная, с примесью света откуда-то сверху. Мужик с усилием, через боль в шее, которая отдалась в висках, повернул голову. Медленно. С трудом. Но всё же повернул. Рядом с его лицом была стена. Серая, шершавая, исчерченная мелкими трещинами, в которых застыла влага, пахнувшая цементом и чем-то сладковатым. Он начал рассматривать эти трещины, потому что смотреть большие было не на что, и вдруг понял, что они похожи на линии на его ладони. Те же извилины, те же разрывы, та же беспомощность.

Потом он опустил глаза. И увидел.

Его тело было залито бетоном по грудь. Серая, тягучая масса облепила его, как вторая кожа, уже начинающая за-

стывать, уже схватывающаяся, уже сжимающая его рёбра, давящая на грудную клетку, мешающая дышать. Он попытался сделать глубокий вдох — и не смог. Только короткий, поверхностный, как у человека, который боится, что лёгкие больше не раскроются. Он попытался снова — и снова. Воздух входил маленькими глотками, с каждым разом всё труднее, будто кто-то затягивал ремень на его груди.

Мужчина закрыл глаза и попытался успокоиться. Он знает бетон. Он строил этот дом. Знает, сколько ему нужно времени, чтобы застыть. Сейчас масса ещё тёплая — значит, его залили недавно, час, может быть, два назад. Значит, кто-то рядом. Строители, охрана, кто-то, кто мог бы его услышать, кто мог бы прийти. Но он не знал, где его искать, не знал, как позвать, не знал, сколько у него на самом деле времени. Знал только, что бетон уже начал держать его, обнимать, вращать в него. И что если он не выберется в ближайшие часы, он останется здесь навсегда.

Он открыл рот и закричал. Звук, вырвавшийся из горла, был слабым, сухим, похожим на хрип умирающей птицы. Попытался снова — громче, надрывнее, до боли в связках, до того момента, когда горло начинает гореть, а слёзы выступают на глазах. Ничего. Тишина. Только его дыхание, короткое, частое, почти паническое, да шум ветра где-то над головой.

Посмотрел вверх. Сквозь проём в стене он видел серое, бесконечное небо. Оно было пустым, холодным, чужим.

Стройка была открыта. Кто-то должен был его увидеть. Он снова закричал.

Никто не пришёл.

Мужчина еще раз закрыл глаза и попытался вспомнить, как он здесь оказался. Вечер. Архитектор приехал на стройку, чтобы проверить фундамент. Что-то там не сходилось в чертежах, какая-то неправильность, которую нужно было увидеть, исправить, предотвратить. Помнил, как заходил внутрь, как оглядывался, как смотрел на стены, на бетонные перекрытия, на арматуру, торчащую из пола. А дальше – темнота. Провал. Как будто кто-то вырезал из его памяти кусок, оставив только это: бетон и серый свет, сжимающуюся грудную клетку.

Открыл глаза и уставился в серое небо, пытаясь дышать ровно, пытаясь не паниковать. Воспоминание о дочери пришло мгновенно, как удар. Она должна была прийти сегодня вечером. Их разлука длилась три недели. Он обещал приготовить её любимое блюдо – пасту с морепродуктами, которая у него получалась лучше всего. Дочурка должна была позвонить, когда выйдет из метро. А отец должен был встретить её у двери, обнять, поцеловать в макушку. А теперь ее папа стоял в бетоне, и его грудь сжималась всё сильнее, и он знал, что она будет ждать его вечером, смотреть на дверь, слушать шаги на лестнице, смотреть на телефон, надеясь, что родитель позвонит.

Вспомнил, как дочь смотрела на него, когда он рассказы-

вал ей о своих проектах. Она не понимала, о чём он говорит, но кивала и улыбалась, потому что видела, как горят его глаза. Ей было восемь лет, когда она спросила: «Папа, а что останется после тебя?» Тогда засмеялся и ответил: «Дома. Много домов». Девчушка кивнула и сказала: «Тогда я буду жить в одном из них». Мужчина не знал, что её дом рухнет. Не знал, что она потеряет мать. Не знал, что он ошибётся. Не знал, что его ошибки будут стоить жизней.

Он думал о том, как строил этот дом. Как проектировал каждый угол, каждую стену, каждую дверь. Как выбирал материалы, как спорил с подрядчиками, как проверял каждую сварную конструкцию, каждую балку, каждый шов. Он думал о том, что дом был его последним проектом, его лебединой песней. Хотел, чтобы постройка осталась после него. Чтобы люди жили в ней, рожали детей, старели, вспоминали строителей с благодарностью.

Думал о том, как ошибался. О том, что экономил на бетоне, когда закладывал фундамент. О том, что знал, что прочность занижена на полпроцента, но решил, что это неважно. О том, что школа, которую он построил десять лет назад, обрушилась, и погибли дети. Он помнил их лица. Помнил их родителей. Помнил, как стоял на суде и слушал, как его оправдывают, как говорят, что ошибка была в расчётах, что это была случайность, что его вины в этом нет. Но он знал, что виноват. Всегда это знал. Просто никогда не говорил об этом.

Думал о том, что, возможно, это расплата. Возможно, кто-то пришёл за ним. Кто-то, кто знал. Кто-то, кто не простил. Кто-то, кто хотел, чтобы он тоже оказался в бетоне. Возможно, это была мать одного из детей. Или отец. Или брат. Или кто-то, кто потерял всё из-за его ошибки. Он не знал. Мог только гадать.

Он снова закричал, но горло уже почти не слушалось. Звук был слабым, почти детским, жалким. Ветер уносил его, разбивал о бетон, топил в тишине.

И тогда он услышал шаги.

Медленные, почти ленивые, как будто у того, кто шёл, была вечность, и он не спешил, потому что время работало на него. Некто приближался, шаг за шагом, и остановился где-то за спиной. Мужчина не мог повернуться, чтобы увидеть, кто это. Только слышал дыхание – ровное, спокойное, как будто этот кто-то стоял в парке, разглядывая облака, а не человека в бетоне, которому осталось жить меньше часа.

— Ты построил этот дом, — сказал голос.

Голос был низким, мягким, почти добрым. Как у того, кто говорит тебе правду, но ты ещё не знаешь, что это правда. Архитектор хотел ответить, затем хотел спросить: «Кто ты? Зачем? Что я тебе сделал?» Но из горла вырвался только хрип. Он попытался снова – и ничего. Бетон сжимал его грудь, мешая говорить, мешая дышать, мешая существовать.

— «Дом — это не просто стены, — сказал голос. — Это то, что ты оставляешь после себя».

Он узнал эти слова. «Дом, который построил Джек». Фильм про архитектора, который строил из человеческих тел. Мужчина смотрел его однажды, ночью, когда не мог уснуть. Помнил, как сидел перед экраном и чувствовал тошноту, но не мог оторваться. Помнил, как закрывал глаза и думал: «Я никогда не смог бы так. Никогда».

Теперь он стоял в бетоне. И его тело становилось частью чьей-то конструкции.

— Кто ты? — шепот сорвался с губ. Голос его дрожал. Но человек за спиной не ответил. Только дыхание, тихое и ровное, висело в воздухе, как обещание.

— «Архитектура требует жертв», — произнес некто, и в манере, в который было это сказано, послышалась лёгкая усмешка. — Ты сам это знаешь.

Шаги начали удаляться. Медленно. Так же, как пришли.

— Пожалуйста, — прошептал залитый в бетон в пустоту. — Вернись.

Никто не ответил.

Он остался один.

В бетоне. В стене. В доме, который сам проектировал, в который сам пришёл и из которого уже не мог выйти. Он вновь смотрел в серое небо и чувствовал, как бетон сжимает его грудь, как воздух становится всё тоньше, как мир начинает отслаиваться от него, слой за слоем, как будто

его вытаскивали из реальности, оставляя только это серое небо, этот холодный ветер, эту тишину, которая становилась всё глубже.

Мужчина вспомнил, как однажды зимой стоял на замёрзшем озере. Лёд трещал под ногами, но страха не было. Он смотрел вниз, на тёмную воду под тонкой коркой льда, и думал: «Я могу провалиться в любой момент». Но этого не произошло. Мальчишка вернулся домой, сел у камина, пил горячий чай и чувствовал, как жизнь возвращается в его пальцы. Сейчас: ни огня, ни чая, ни движения. Только тишина, которая не греет.

Вспомнил, как впервые увидел море. Ему было двадцать. Он стоял на берегу, смотрел на линию горизонта и чувствовал себя маленьким, почти невидимым. Море дышало, шумело, жило своей жизнью. Тогда его посетила мысль: «Я ничего не значу». Теперь стоя в тишине пришло озарение: он значит ровно столько, сколько весит его тело. И оно уже почти ничего не весит.

Вспомнил, как однажды ехал в поезде и смотрел в окно на поля, которые убегали вдаль. Ему казалось, что если взгляд не оторвётся от окна, время остановится. Поэтому смотрел до тех пор, пока глаза не начали болеть. Время не остановилось. Теперь он не мог смотреть в окно. Только в стену.

Его воспоминания вновь вернулись к дочери. Она сказала «папа» впервые – тихо, пробуя слово на вкус, как незнакомую еду. Ей тогда было чуть больше года. Просто звук. Просто

первый звук, который она выбрала сама.

Потом были другие: её руки, обнимающие его шею, её смех, когда он подбрасывал её в воздух, её сон на его плече в машине, когда они возвращались с моря, её рисунки на обоях, за которые она потом извинялась, её доверие, её взгляд снизу вверх, когда он объяснял ей, как устроен мир.

Теперь ей четырнадцать. Она реже смеётся, больше молчит, слушает музыку, которую он не понимает. Она не знает, что это воспоминание – последнее, что останется у него. Что он уносит его с собой в бетон, как единственную вещь, которая стоила того, чтобы жить.

Также вспомнил, как жена ушла. Как она сказала: «Ты всегда строишь что-то, но никогда не строишь нас». Он не понял тогда. Думал, что речь идет о времени, о работе, о деньгах. Теперь понял. Любимая говорила о душе. О том, что он не умел строить внутри. Только снаружи. Только стены. Только бетон.

И вдруг мороз пронзил правую руку.

Металл. Твёрдый, гладкий, знакомый до боли. Он не мог сжать пальцы, но знал, что это было. Знал, потому что сам принёс его сюда, носил с собой каждый день, как напоминание, как обещание, как символ.

Ключ.

Ключ от этого дома.

От того, что он строил. От того, что останется после него.

Теперь ключ лежал в его руке, и он не мог его убрать. Не мог выбросить. Не мог забыть. Мог только чувствовать его холод, сжимающий пальцы, которые уже почти ничего не чувствовали.

Вспомнил, как вставил этот ключ в замок в первый раз. Как он щёлкнул, и дверь открылась. Это был момент завершения. Момент, когда дом стал домом.

Теперь мужчина держал ключ. И не мог войти.

Он смотрел в небо и понял. Это не было случайностью. Кто-то хотел, чтобы он держал этот ключ. Кто-то хотел, чтобы до него дошло – наконец, уже на пороге, уже почти уйдя. Он строил для других. Возводил стены, за которыми другие будут жить, растить детей, стареть, забывать его. Теперь его имя будет частью этих стен. Частью этого дома. Он останется в бетоне, как те дети, которые остались под обломками его школы. Как те люди, которые ушли из-за его ошибок.

Он хотел сказать дочери, что любит её. Хотел сказать жене, что просит прощения. Хотел сказать тем детям, которых не спас, что он помнит их. Что он никогда не забывал. Что он нёс их в себе каждый день, каждую ночь, каждый раз, когда закрывал глаза и видел их лица. Но воздух уходил. И слова уходили вместе с ним.

Бетон стал холодным.

Он закрыл глаза и почувствовал, как грудь перестает подниматься. Как мир становится дальше. Как тишина

становится окончательной.

Он не знал, кто его убил. Не знал, почему. Но знал, что заслужил.

Бетон остывал. И он вместе с ним.